

И. К. АЙВАЗОВСКИЙ И ЕГО СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

В. А. МИКАЕЛЯН

Армянская колония в Крыму, насчитывавшая шестисотлетнюю историю, в конце 70-х—начале 80-х годов XVIII в. вместе со всем полуостровом была освобождена от турецко-татарского владычества и вошла в состав Российской империи. В XIX в., в несравненно более благоприятных условиях для развития, из среды крымских армян вышла великолепная плеяда деятелей культуры и литературы. В нее входили люди, творчество которых получило не только общенациональное, но и всероссийское признание. В их числе были И. К. Айвазовский, А. Спендиаров, Х. Кара-Мурза, Э. Махтесян, Ст. Налбандян, Г. Додохян и другие. Творчество же И. К. Айвазовского принесло ему всемирную славу великого мариниста.

И. К. Айвазовский родился 17 июля 1817 г. в Феодосии, в семье разорившегося торговца-толмача Геворга-Константина Айвазяна. Толмач Геворг-Константин «калякал» на семи языках, обладал поистине способностями полиглота, которые унаследовал оредний сын Габриел (он владел девятью языками). Младший сын Константина Ованес (Иван), как и другие дети, был крещен в древней армянской церкви св. Саркиса (св. Сергия) г. Феодосии, что засвидетельствовано в армянской метрической книге названной церкви. В ней помещен список армянских детей, родившихся в 1817 г., и под датой 17 июля на армянском языке стоит надпись: «Ованес, сын Георга Айвазяна»¹.

Начальное образование И. К. Айвазовский получил в армянской приходской школе при церкви св. Саркиса, а по окончании Симферопольской гимназии был зачислен в Петербургскую академию художеств.

Министр императорского двора князь Волконский 22 июля 1833 г. по этому поводу сообщил президенту Академии А. Н. Оленину о согласии Николая I на принятие И. К. Айвазовского в Академию. Он писал: «По всеподданнейшему моему докладу отношения Вашего высокопревосходительства от 13 июля № 330 государь император высочайше повелеть соизволил: 13-ти (должно быть 16-ти—В. М.) летнего сына армянина из Феодосии Ивана Гайвазовского принять в Академию художеств пенсионером его величества и привезти сюда на казенный счет»².

Академию художеств И. К. Айвазовский окончил досрочно, в 1837 г. Вернувшись на постоянное жительство в Феодосию, И. К. Айвазовский совмещал плодотворную творческую работу с кипучей общественной деятельностью. Начиная с 40-х годов прошлого столетия до конца своей долгой жизни он находился в среде тех армянских деятелей, которые приложили немало усилий для развития на-

¹ Центральный государственный исторический архив Армении (далее ЦГИА Армении), ф. 320, оп. 1, д. 78 (см. также: Айвазовский. Документы и материалы, Ереван, 1967, с. 9).

² Центральный гос. исторический архив СССР (далее—ЦГИА СССР), ф. 789, оп. 1, ч. II, 1833, д. 1670, л. 5.

циональной культуры, разрешения наиболее проблем общественно-политической жизни своих соотечественников³.

Еще в годы учебы в Академии будущий художник не терял связи с петербургскими армянами и «почти каждый день был среди прихожан столичной армянокой церкви»⁴.

В 40-х годах прошлого века, когда в Крыму заметно активизировалась деятельность армяно-католических священников, И. Айвазовский, наряду с другими деятелями армянской колонии, стал на защиту интересов крымских армян. Он неустанно советовал правительственным органам и повоеизбранному католику всех армян Нерсису Аштаракци удалить католических священников из Крыма. По этому вопросу он устно и письменно обращался к Н. Аштаракци, проявляя при этом глубокое понимание гражданского долга. В 1846 г. в специальном письме, написанном собственноручно на армянском языке, И. Айвазовский папоминал католику: «Зная, сколь усердно бьется святое сердце Вашего сиятельства о благополучии паствы своей, осмелюсь напомнить о беседе, которую я имел счастье вести с Вашим святейством по поводу удаления из наших краев мхитаристов... Необходимость сих мер, кроме веских причин, Вашему святейству известных, диктуется поведением здешних иезуитов..., кои весьма чувствительно отравили наши народы (т. е. григорианских и католических армян—В. М.) неподобающими речами, как только состоялся отъезд Вашего святейства»⁵. И. Айвазовский ясно представлял, что в результате глубокого невежества простого люда католическая пропаганда неизбежно вызовет в народе «беспокойствия», и поэтому «без малейшего колебания» настаивал на том, чтобы «кримские священники» были удалены из Крыма, так как это, по его глубокому убеждению, «принесет *нации нашей* (курсив—В. М.) много пользы»⁶. Это, однако, не значит, что И. Айвазовский противостоял деятельности конгрегации мхитаристов с острова Св. Лазаря (Венеция). В данном случае речь шла о пресечении действий отдельных священников, сеявших раздор между армяно-католическими и армяно-григорианскими общинами в Крыму. А вообще он поощрял просветительскую и арменоведческую деятельность мхитаристов, о чем свидетельствуют его частые посещения их монастыря и преподношение им в дар монастырю картины «Маяк Неаполя». В связи с этим аббат конгрегации С. Сомалии 3 сентября 1842 г. писал ему: «Взамен Вашей любви и признательности к нашей конгрегации, не было и не будет недостатка и в нашей любви и благодарности к Вам»⁷.

Однако, при всем этом, защиту интересов национальной церкви И. Айвазовский всегда ставил на первый план. Именно это побуждало художника в течение более чем двадцати лет упорно увещевать и уговаривать старшего брата Габриела (Гавриллу) отделиться от католиков и вновь вернуться в лоно национальной церкви. В письме

³ Подробно об этом см.: М. С. Саргсян, И. К. Айвазовский, Ереван, 1976 (на арм. яз.).

⁴ Мшак (газета на арм. языке), Тифлис, 1887, № 9.

⁵ Айвазовский И. Документы и материалы, 93—94. Заметим, что свою переписку с армянскими деятелями и друзьями художник вел, за редким исключением, только на армянском языке, подписывался «Ованес Айвазян». Приведенные в статье выдержки из его писем к армянским адресатам даются в нашем переводе и по поводу сборника: Айвазовский. Документы и материалы.

⁶ Там же, с. 94.

⁷ Базмавеп (журн. на арм. яз.), Венеция, 1929, № 3.

от 5 мая 1857 г., адресованном художнику, Г. Айвазовский относительно затронутого выше вопроса сообщал: «моему уходу от католической церкви ты бесконечно рад, усмотрев в этом, наконец, исполнение твоей 20-летней мечты.

Брат мой! Задача была не из легких и несовместимая с моей незлопамятной натурой и миролюбивыми чувствами; однако во имя симпатии к твоим справедливым предложениям, энергичному патриотизму и сочувствию страданиям, к столь долго мною переживаемым, не имел права сказать тебе нет, и вот насколько смог, выполнил твою просьбу»⁸.

В Крыму И. Айвазовский многое сделал для местных армян. В 1899 г., за год до своей кончины, он завещал армянской церкви св. Саркиса часть своих поместий, полученные же от продажи этой части 50 тыс. рублей⁹ расходовались на содержание приходской школы, в которой он учился армянской грамоте. Художник построил за свой счет новую армянскую церковь в г. Старый Крым, ряд армянских церквей украсил своими картинами, в пользу бедных армян организовывал выставки. В 1867 г. для сгоревшей армянской церкви в Бурсе (Турция) он написал картину с изображением св. Георгия¹⁰.

И. Айвазовский горел желанием посетить родину своих предков — Армению. 18 декабря 1868 г. об этом своем намерении он из Тифлиса писал католикосу всех армян: «хотя давно я должен был приехать в незабвенную родную землю, дабы вновь возликовать при ее виде, снискать любовь и благословение Вашего святейшества, однако жестокие зимние метели держат меня в Тифлисе. Но по наступлении весны... я непременно исполню обет, данный мною с давних пор»¹¹.

Ни одно более или менее заметное событие в жизни армянского народа не ускользало от внимания И. К. Айвазовского. Как только М. Хримян был избран католикосом всех армян, он поспешил специальным письмом (23. VIII. 1893 г.) поздравить его: «Весть о Вашем избрании католикосом наполнила сердце мое, как и наших соотечественников всего мира, радостью и ликованием, любовь и симпатии которых уже давно заслуженно завоевало Ваше святейшество своей долголетней и плодотворной деятельностью на благо нашей нации и церкви»¹².

Патриотическая позиция И. К. Айвазовского была однозначной во время трех русско-турецких войн XIX в. Еще в период русско-турецкой войны 1828—1829 гг. талантливый юноша изобразил взятие русскими войсками турецких крепостей Варны и Силистры, восславив победу русского оружия.

В 1853—1856 гг. во время Крымской войны, будучи уже всемирно известным художником, И. К. Айвазовский своими чудесными картинами увековечил героическую борьбу русских войск против Турции и ее западных союзников при обороне Севастополя. В 1853 г. после Синопского сражения, где русская эскадра под предводительством П. Нахимова наголову разбила турецкий флот, И. К. Айвазовский посвятил этому знаменательному событию две картины — Синопский бой ночью и днем. Восхищенный картиной ночного сражения, П. На-

⁸ Айвазовский, Документы и материалы, с. 124—125.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 14, д. 70 6/5, л. 20—23.

¹⁰ Айвазовский, Документы и материалы, с. 147—148, 150—151.

¹¹ Там же, с. 155.

¹² Там же, с. 265—266.

химов сказал: «Картина чрезвычайно верно сделана»¹³. Художник создал и несколько других картин, явившихся реалистическим отображением борьбы русских войск на разных участках войны.

Успехи соотечественников в области культуры, литературы и искусства, общественной жизни беспрдельно радовали И. К. Айвазовского и, наоборот, он тяжело переживал трагические периоды в жизни родного народа. Однако пассивность была чужда его натуре. Вместе со всеми западно-и восточноармянскими деятелями он принимал самое активное участие в поисках решений наболевшего Армянского вопроса. В 90-х годах прошлого столетия, в период армянских погромов в Турции, он всеми возможными средствами способствовал оказанию материальной и духовной помощи армянскому народу. «Глубокой болью омрачено сердце мое невиданной и неслыханной резней, учиненной над армянами,—писал он католику М. Хримяну 8 сентября 1896 г.—Вы, ваше святейшество, там, мы—здесь, и каждый на своем месте, горько оплакиваем погубленные души несчастных сородичей наших»¹⁴. Гневно протестуя против турецких жестокостей в отношении армян, он заявил турецкому консулу: «награды твоего кровавого владыки я бросил в море, вот их ленты, отправьте ему. Если хочет, пусть он тоже мои картины бросает в море, но это вовсе не моя забота»¹⁵.

В ответ на предложение католика изобразить варварства турок, художник писал: «Вы сделали мне весьма чувствительное и прекрасное предложение—изобразить красными красками картину армянской резни на фоне залитых кровью гор и дол и над развалинами—убитого горем Владыку армян. Будь угодно Всевышнему даровать мне жизнь и подольше, настанет день, когда я исполню сие трогательное предложение»¹⁶.

С целью оказания помощи пострадавшим армянам Айвазовский открыл в Одессе выставку своих работ; на выставке экспонировались также три картины, «изображающие,—как он писал К. Езяну,—жестокость турок: резание армян в Трапезунде, как бросают живых армян с парохода в Мраморное море, и третья, как турки в Фесалии жгут греков во время войны»¹⁷. Выставка принесла 2000 рублей дохода, одна половина которого пошла на помощь армянам, а другая—грекам. Кроме того, в адрес русского посла в Константинополе было выслано 3000 франков для раздачи бедным армянам Эрзерума¹⁸.

И. К. Айвазовского очень интересовали проблемы общественного развития армянских общин, организация церковного и школьного дела. Неподдельная заинтересованность в решении подобных вопросов побуждала его устанавливать тесные контакты и дружбу с известными армянскими деятелями своего времени—с католиками Н. Аштаракечи, Геворгом IV, М. Хримяном, историком-филологом и общественным и государственным деятелем К. Езяном (Эзов), языковедами Н. Бюзандаци, А. Ташяном, писателем-публицистом М. Мамурияном и многими другими. Примечательно в этом отношении беспокойство, выраженное им по поводу настоятеля монастыря Сурб-Хач

¹³ Иван Константинович Айвазовский, М., 1963, с. 9 (предисловие Н. С. Барсамова).

¹⁴ Айвазовский. Документы и материалы, с. 278.

¹⁵ Известия АН АрмССР, обществ. науки, 1965, № 2, с. 91.

¹⁶ Айвазовский. Документы и материалы, с. 278.

¹⁷ Там же, с. 298.

¹⁸ Там же, с. 229, 300, 302.

Хорена Степане. И. К. Айвазовский настаивал на том, чтобы силы армянской интеллигенции целесообразно использовались для народных нужд. Незадолго до своей смерти, 16 февраля 1900 г., он писал М. Хримяну: «Грустно, что жизнь такого умного и деятельного, любящего свой народ священника проходит без пользы, особенно в дни Вашего святейшества... Мы очевидцы неустанной энергии епископа Хорена даже в его безлюдном лесу и тем более жалко, что его способности не приносят той пользы, необходимость в которой чувствуется повсюду. В своем монастыре¹⁹ он то строит купол, то восстанавливает родник... среди симферопольских, феодосийских, карасубазарских армян устно и письменно проповедует изучить свой родной язык, исповедовать свою веру... Однако все это может делать и другой настоятель и стоит ли из-за этих дел запереть Хорена в лесу». Как будто отвечая тем, которые в будущем предпримут попытки изменить его метрическое свидетельство, он писал: «Вы же знаете, что в этом вопросе я не преследую никакой личной выгоды и как *армянин* (курсив—В. М.), видя все это, мне становится очень больно»²⁰.

В 1877 году св. Эчмиадзин, наконец, дал ему разрешение на развод с первой женой—англичанкой Юлией Кревс. В 1882 г. он женился на Анне Бурназян (Саркисян). Юлия Кревс была лютеранкой, но как сообщал И. К. Айвазовский в своем прошении в Эчмиадзинский синод, они венчались по обряду армяно-григорианской церкви и с условием, что их дети «будут крещены по законам армянского вероисповедания»²¹. В качестве причин развода художник в упомянутом прошении указывал, что Ю. Кревс проявляла большое упорство в том, чтобы лишить детей возможности общения в армянской среде. Довольный вторым браком, Айвазовский писал своему приятелю в Константинополе Г. Аствацатрян: «С первой женой уже 20 лет не живу, не вижусь с нею вот уже 14 лет. Пять лет тому назад эчмиадзинский синод и католикос разрешили мне развод. Так что на новый брак права лишен не был. Только вот очень страшился связать свою жизнь с женщиной другой нации и опять быть несчастным.

Был бы очень рад, если б на страницах константинопольских газет поместили (или сам патриарх письменно послал) благодарственное слово эчмиадзинскому католикосу за то, что мне разрешили расторгнуть первый брак, благодаря чему я *еще ближе стал к своей нации*» (курсив—В. М.)²².

В художественном наследии И. К. Айвазовского заметное место занимают картины, написанные на армянские темы; они изображают разные стороны жизни и разные периоды истории армянского народа и свидетельствуют о беззаветной любви и преданности автора родине отцов. Некоторые из них мы уже упомянули. К их числу относятся также «Крещение армянского народа», «Хримян Айриж в окрестностях Эчмиадына», «Арабат», «Ной спускается с горы Арабат», «Долина горы Арабат» и др.

В свете вышеизложенных фактов вызывает возмущение то обстоятельство, что не так давно почему-то опять сочли необходимым припомнить старую фальсификацию, авторы которой в свое время пытались взять под сомнение национальность великого мариниста.

¹⁹ Имеется в виду знаменитый армянский монастырь Сурб-Хач (Святой Крест) недалеко от г. Старый Крым, основанный в 1358 г.

²⁰ Мшак 1900, № 90.

²¹ Айвазовский. Документы и материалы, с. 161.

²² Базмавел, 1929, № 3, с. 73.

Некогда первооткрывателем этой, с позволения сказать, версии, был журнал «Русская Старина», задавшийся целью приписать предкам И. Айвазовского турецкое происхождение (по мужской линии). «Предки Ивана Константиновича Айвазовского были турецкими подданными, исповедниками Корана,—сообщал журнал своим читателям в апрельском номере 1878 г. Покойный отец рассказывал ему, что дед при взятии Азова (18 июля 1696 г.) едва не сделался жертвой ярости наших войск, но был спасен одним из солдат от неминуемой смерти. То же подтвердила Ивану Константиновичу и графиня Антонина Дмитриевна *Блудова*, оказав, что она в одной старинной книге (курсив—В. М.) читала об этом эпизоде из семейных преданий Айвазовского...

Айвазовские в прошлом столетии из Турции переселились в Галицию, где донныне, близ города Львова, есть землевладельцы Айвазовские»²³.

В эту сплетню о неармянском происхождении художника, получившую распространение в верхах царского правительства в 60—70-е годы XIX в. и своим острием направленную против «армянского сепаратизма», некто Н. Кузьмин вновь вдохнул жизнь, на этот раз уже в 1901 г., на следующий год после смерти художника, т. е. в период, когда власть предержащие накануне первой русской революции подготавливали антиармянский закон 1903 г. Лишение И. Айвазовского армянского происхождения, видимо, должно было быть одним из звеньев цепи мероприятий, направленных против т. н. автономных стремлений армян. Н. Кузьмин волей-неволей лил воду на мельницу царизма, жернова которой в Армянском вопросе пока что вольно или невольно вращались в пользу Турции. «В жилах Айвазовского текла турецкая кровь,—писал он,—хотя его принято было у нас почему-то считать до сих пор кровным армянином, вероятно, вследствие постоянных симпатий его к несчастным армянам, усилившихся после анатолийской и константинопольской резни, насилий и грабежей, приведших всех в ужас»²⁴.

После такого безапелляционного и странного «обоснования» Н. Кузьмин устами И. К. Айвазовского состряпал басню, которая якобы является «достоверным преданием» и которую якобы «сам Айвазовский вспомнил однажды в кругу своей семьи»²⁵. «В 1770 г.,—читаем у Н. Кузьмина,—русская армия, предводительствуемая Румянцевым, освободила Бендеры. Крепость была взята, и русские солдаты, раздраженные упорным сопротивлением и гибелью товарищей, рассеялись по городу и, вникая только чувству мщения, не щадили ни пола, ни возраста.

В числе жертв их находился и секретарь бендерского паши. Пораженный смертельно одним русским гренатером, он истекал кровью, сжимая в руках младенца, которому готовилась такая же участь. Уже русский штык был занесен над малолетним турком, когда один армянин удержал карающую руку возгласом: «Остановись! Это сын мой! Он христианин». Благородная ложь послужила во спасение и ребенок был пощажен. Ребенок этот был мой отец. Добрый армянин не покончил этим своего благодеяния, он сделался вторым отцом мусульманского сироты, окрестил его под именем Константина и дал

²³ Русская Старина, 1878, апрель, с. 652—653.

²⁴ Воспоминания о профессоре И. К. Айвазовском Н. Н. Кузьмина, СПб., 1901, с. 6.

²⁵ Там же, с. 7.

ему фамилию Гайвазовский. Прожив долгое время со своим благодетелем в Галиции, Константин Айвазовский поселился наконец в Феодосии, в которой он женился на молодой красавице-южанке, тоже армянке...»²⁶.

Приписав всю эту стряпню И. К. Айвазовскому, Н. Кузьмин далее почти дословно повторяет «Русскую старину»: «Айвазовские еще в прошлом столетии переселились из Турции в Галицию, где доныне близ города Львова сохранились их родичи, землевладельцы Айвазовские»²⁷.

Естественно, напрашивается вопрос, откуда стало Н. Кузьмину известно, что И. К. Айвазовский «в кругу своей семьи» рассказывал нечто подобное; вопрос этот и по сей день остается без ответа.

Приведенные выше оба сообщения попросту выдуманы, поскольку не имеют никакого фактического подтверждения.

Пока неизвестно, пытался ли И. К. Айвазовский при жизни опровергнуть эту выдумку, помещенную на страницах «Русской Старины». Однако очень возможно, что художник не придавал серьезного значения столь откровенной небылице, считая ее очередным изобретением охочих до сенсаций борзописцев и полагая, что знающий Айвазовских серьезный читатель не поверит в подобную чушь. Он тем более мог поступить так, поскольку совершенно не нуждался в выискивании доказательств своего армянского происхождения. Отметим также, что Айвазовский вообще не имел обыкновение обращать внимание на аналогичные слухи. Последнее обстоятельство подчеркивает даже «Русская Старина», сообщавшая, что органы как русской, так и иностранной прессы переполнены «вымышленными эпизодами и анекдотическими присказками»²⁸ о биографии И. Айвазовского и что, узнавая о них, художник лишь от души смеялся. Так, например, он реагировал на сообщение одной из берлинских газет о том, будто «необыкновенным развитием органа зрения Айвазовский обязан врожденному недостатку, будучи *глухонемым*, развитием самого таланта—проживанию вместе с женой и детьми в Померании, на берегах Балтийского моря. Эту новость сообщили художнику тогда же (в 1857 г.) великие князья Николай и Михаил Николаевичи и много смеялись этой сказке, напечатанной в одной из серьезных берлинских газет»²⁹.

В данном случае «Русской Старине», видимо, надо было привести вышеуказанную смехотворную историю, чтобы заранее завоевать доверие читателя собственным измышлением: дескать, наше не такого сорта. Очевидно, как в случае с сообщением берлинской газеты, так и с «биографическим уточнением» «Русской Старины» И. Айвазовский реагировал одинаково: попросту игнорировал их, считая недостойным давать какие бы то ни было опровержения.

Мы также сочли бы излишним упомянуть об этом (как поступили во второй нашей книге «Истории армянской колонии в Крыму», Ереван, 1970, на арм. языке), если бы «турецкое происхождение» И. Айвазовского, по вполне понятным причинам, вновь не было предподнесено общественности компилятивной смесью, почерпнутой из «Русской Старины» и «Воспоминаний» Н. Кузьмина. Во втором томе (книга первая) «Истории русского искусства», допущенном в каче-

²⁶ Там же, с. 8.

²⁷ Там же.

²⁸ Русская Старина, 1878, апрель, с. 650.

²⁹ Там же, с. 651.

стве учебника для художественных вузов; т. е. для самой массовой аудитории, читаем: «Он (Айвазовский—В. М.) родился в Феодосии (Крым). Дед его был турок, погибший в уличном бою при взятии русской армией крепости Бендера (т. е. в 1770 г.—В. М.). Отец как сирота был усыновлен армянским семейством, впоследствии женился на армянке, которая и стала матерью художника»³⁰.

Согласно «Русской Старине» выходит, что дед художника был спасен при взятии Азова (1696 г.), а не крепости Бендеры (1770 г.). По Н. Кузьмину же у Бендер погибал секретарь паши, которого неизвестно какие узы родства связывали со спасенным младенцем. В результате получилась неразбериха, могущая ввести в заблуждение неосведомленного читателя. Новая версия о «турецком происхождении» И. К. Айвазовского тут же привлекла некоего М. Натига, который тут же в литературно-художественном журнале «Азербайджан» во весь голос заявил, что: «В жилах Айвазовского текла турецкая кровь, однако неизвестно почему он с удовольствием считал себя чистокровным армянином»³¹. Имея представление об И. Айвазовском лишь понаслышке, М. Натиг не только удивляется тому, почему художник считал себя «чистокровным армянином», но более того, далес пускается в рассуждения по поводу «этимологии» слова «айваз» или «эйваз», которое, якобы, означало также «мясник»³², и на основании такого «лингвистического открытия» всячески старается «новым аргументом» подкрепить турецкое происхождение художника. Затем следует заявление: «Оказывается, национальное происхождение крупного художника, прошедшего богатый путь более чем 60-летнего творчества, в последние годы его жизни стало причиной большого научного спора и переименовывает источники самых разных мнений и объяснений»³³. За подобное бесшабашное утверждение и за явную ложь, вероятно, следовало бы М. Натига пригвоздить к позорному столбу, так как вокруг национального происхождения И. К. Айвазовского никогда и нигде не было и не могло быть никакого научного спора. Однако перейдем к сообщениям «Русской Старины» и Н. Н. Кузьмина по существу.

Пройгнорировав формулярный список, которым постоянно пользовались биографы художника, автор статьи в «Русской Старине» сообщает, что отец И. Айвазовского рассказывал художнику (выходит, рассказывал сам художник устами отца), что случай со спасением туркорожденного мальчика произошел в 1696 г. во время взятия Азова и что этот мальчик был не кто иной, как дед художника, т. е. отец Геворга-Константина. Между тем, по сообщению Н. Кузьмина (опять со ссылкой на рассказ художника), этот случай имел место в 1770 г. (т. е. 74 года спустя) уже не во время взятия Азова, а Бендер, и опасшийся был не дедом, а отцом художника—Георгием-Константином. Достаточно и этих несообразных и противоречивых сообщений о *времени, деде и отце*, чтобы опровергнуть всякие попытки туркизации И. Айвазовского:

И в самом деле, если в обоих случаях в роли «рассказчика» выступает сам художник, то по какой причине он должен был в первом эпизоде в лице спасшегося мальчика указать на деда, а во вто-

³⁰ История русского искусства, т. 2, кн. 1, М., 1980, с. 33.

³¹ Азербайджан. (журн. на азерб. яз), 1980, № 10, с. 192.

³² Там же, с. 191.

³³ Там же.

ром—на отца, и при том с разницей в 74 года. Далее, уж кто-кто, но скорее всего, не христианин-армянин, предки которого за несколько столетий до этого нашли приют и пристанище на этих бессарабо-молдавских землях, мог быть тем человеком, который в страшные минуты резни в Бендерах мог кинуться на спасение турецкого мальчика, и это в то время, когда на находившихся под турецким владением этих землях турки в массовом порядке истребляли и армянских детей. Сообщение Н. Кузьмина совершенно не в ладу с историческими фактами и логикой, но, как видим, автора вовсе не беспокоила эта сторона вопроса. Между тем истина заключается в том, что в период первой русско-турецкой войны (1768—1774 гг.) все армяне, в их числе и бессарабские, безоговорочно поддерживали Россию и в силу своих возможностей всячески способствовали победе русских. И христианская Россия не осталась в долгу. Через несколько лет, в 1792 г., идя навстречу просьбам бессарабских армян, она помогла им за казенный счет переселиться с турецких территорий в пределы России, где для переселившихся армян на государственные средства на левом берегу Днестра была основана знаменитая армянская колония—г. Григориополь.

В варианте фальшивки «Русской Старины» (ребенок/дед) был спасен «одним из солдат» (как будто этот солдат во время уличного боя, участвовавший в расправе, по интуиции мог разобраться в христианском или мусульманском происхождении младенца). Кто же был этот солдат-спаситель, не говорится, зато неожиданно дается следующий комментарий об отце художника: «Отец Ивана Константиновича,—писавший свою фамилию Гайвазовский,—исповедовал веру армяно-григорианскую, равно как и все его семейство»³⁴. Автора статьи совершенно не интересует ответ на вопрос: каким чудом сына спасшегося турецкого мальчугана Константина (Геворга) сделали христианином. Вероятно, чтобы выйти из этого тупика, Н. Кузьмин решил спасителя объявить армянином («один армянин удержал карающую руку»), а спасшегося мальчика отдать в руки умирающего секретаря бендерского паши («сжимая в руках младенца»). Далее, согласно Н. Кузьмину, «прожив долгое время со своим благодетелем в Галиции, Константин Айвазовский поселился наконец в Феодосии, где женился на молодой красавице-южанке, тоже армянке». Если спасшийся—это Константин, т. е. одинокий мальчик, то как же он «вследствие семейных несогласий со своими братьями в молодости переселился из Галиции и жил в Валахии и Молдавии, занимаясь торговлей»³⁵. Это уже вариант «Русской Старины», который ловко опустил Н. Кузьмин, потому что у него тоже спасшийся—одиноким (Константин) сирота, и как таковой не мог иметь братьев. В самом деле, это сказка, но такая, которая на этот раз лишена даже вымышленной связи сказочного повествования.

Н. Кузьмин из сообщений «Русской Старины» вообще выкинул все то, что могло помешать его «аргументации». Например, обошел молчанием «рассказ» графини А. Блудовой, обошел, потому что он уж слишком несостоятелен и мешает автору облечься в рясу «объективного» повествователя, ведь в противном случае надо было, по крайней мере, ответить на вопрос, в какой «одной старинной книге» графиня читала «об этом эпизоде из семейных преданий Айвазовских», или же на худой конец уточнить, говорила ли графиня нечто

³⁴ Русская Старина, 1878, апрель, с. 652—653

³⁵ Там же, с. 653.

подобное? Кроме того, что же это за «старинная книга», известная только графине, не помнящей, кстати, даже ее названия.

Однако в обоих вариантах присутствуют почти идентичные сообщения о том, что «Айвазовские в прошлом столетии (т. е. в XVIII в.— В. М.) из Турции переселились в Галицию, где доньше, близ города Львова, есть землевладельцы Айвазовские (у Н. Кузьмина) «их сородичи, землевладельцы Айвазовские»». Если спасшимся был Константин и его спасли в 1770 г., то спрашивается, когда и каким образом Айвазовские в том же столетии из Турции попали в Галицию. Посему Н. Кузьмин «удостоил» спасителя «честь» быть армянином; чтобы занять возможность хоть как-то объяснить веский довод исповедания И. Айвазовским армяно-григорианской веры. Если же спасенный мальчик—дед художника (который родился в 1696 г. и поэтому едва ли через 121 год смог быть дедом художника, родившегося в 1817 г.), то естественно возникает вопрос, почему спаситель перевез его в Турцию, чтобы оттуда этот сирота вместе с Айвазовскими перебрался в Галицию. Иначе говоря, получается следующее: при рождении Геворга—Константина его отцу было, по меньшей мере, 69 лет.

Айвазовские действительно были польскими армянами, и вовсе не исключается тот факт, что их предки в числе армянских переселенцев XIII—XVI вв. из Армении переселились в польские пределы (вернее, в западноукраинские области). Однако армянские переселенческие потоки прибывали в Червонную Русь до первых десятилетий XVII в., а затем, вследствие насильственного принуждения армян к унии с Римом, наоборот, начался обратный процесс—массовый уход их из этих мест. Если бы автор статьи в «Русской Старине» и Н. Кузьмин более или менее знали эти азбучные исторические реальности, они не посмели бы огласить свои низкопробные сплетни.

Нежелание Н. Кузьмина разобраться в подробностях биографии художника и явное игнорирование его тесных связей с армянской действительностью, с известными армянскими деятелями доходят до того, что он фактически не считает с неоднократными заявлениями самого художника о своей национальной принадлежности, и любовь И. Айвазовского к своему народу, его патриотизм считает лишь следствием «постоянных симпатий» к несчастным армянам в период их резни в Турции в 90-х годах XIX в. Н. Кузьмин уже после смерти художника позволяет себе «предположить», что, дескать, именно по этой причине И. К. Айвазовского считали «кровным армянином». Во-первых, вызывает по меньшей мере удивление неэтичность «биографа» И. К. Айвазовского, уже на следующий же год после кончины последнего берущегося за отрицание его «национальной чистокровности» («кровным армянином»), и это в то время, когда Н. Кузьмин не мог не знать, что И. К. Айвазовский сам себя считал армянином и по всякому поводу констатировал этот факт; во-вторых, его рождение от родителей-армян засвидетельствовано, как уже было сказано, в присутствии родителей и священника в метрическом списке армянской церкви г. Феодосии. Это общеизвестный факт, который также «биограф» художника не мог не знать. Слава богу, что Н. Кузьмин не попытался с такой же дерзостью аннулировать и этот метрический список, не ликвидировал армяно-григорианское вероисповедание Айвазовского, не посмел вычеркнуть из биографии его многочисленные патриотические начинания на благо армянского народа, за осуществлением которых художник ревностно следил, иногда прибегая к помощи таких выдающихся деятелей тогдашней армянской

действительности, как Н. Аштаракечи, К. Езян и др. Поблагодарим всевышнего также за то, что Н. Кузьмин и иже с ним не рискнули перевести И. К. Айвазовского в ряды приверженцев Магомета. Если бы они могли, то наверняка скрыли бы многолетние усилия художника, направленные на возвращение старшего брата из армяно-католического в армяно-григорианское вероисповедание. Всего не перечислишь, однако и вышеприведенные факты имели место до армянских погромов в Турции, послуживших «научным обоснованием» для И. Кузьмина.

В заключение весьма уместно в качестве веского доказательства наших аргументаций привести письмо старшего брата художника, управляющего Эчмиадзинской духовной академией, архимандрита Г. Айвазовского (Г. Айвазян), от 6 февраля 1875 г., адресованное маститому польско-армянскому историку Садоку Барончу³⁶. Наша позиция в «спорном» вопросе находит подтверждение и в работе того же С. Баронча, посвященной истории польских армян.

Напомним, что согласно автору статьи в «Русской Старине» спасшийся в 1696 г. ребенок был новорожденный дед художника, а по Кузьмину—отец художника, но на этот раз уже в Бендерах, и тоже в грудном возрасте. В письме, расспрашивая с своих родственников Нерсесе, Стефана, Николае, Филиппе и вообще о роде Гайвазов, живущих в Станиславе, Черновицах и других западноукраинских городах, Габриел Айвазовский писал: «Мой отец Каета (в России Константин, Геворг или Жорж), родившийся около 1765 или 1766 года, сначала переселившийся в Молдавию, затем в начале нынешнего столетия в Крым, где и скончался в 1840 году (т. е., когда Габриелу было уже 28 лет и он был архимандритом—В. М.), часто нам говорил, что он в Буковине и Галиции имеет родственников и двоюродных братьев и что его старший брат Григор в период правления Марии Терезы служил в австрийской армии в качестве командира гусарской роты и др. В 1840 г. во время путешествия по Буковине я встретил отца Филиппа Гайваза—священника в Станиславе... Вы оказали бы мне большую услугу, если бы установили непосредственную переписку с остатками этой семьи (Гайвазов—В. М.), получили бы от этих господ достоверные сведения об их предках, происхождении их семейных преданий. Живы ли еще черновицкие Гайвазовы (Нерсес, Стефан и Николай) и находится ли там господин Григор Гайваз, член комиссии по строительству армянской церкви в Черновицах»³⁷.

Выводы, вытекающие из этих строк, написанные Г. Айвазовским и не содержащие никакой двумысленности, лишь подтверждают и дополняют наши предыдущие доводы о следующем: невозможно, чтобы спасенный в 1696 г. младенец в пеленках-дед, в возрасте 74 лет произвел на свет отца художника; это, во-первых. Во-вторых, родившийся в 1765 г. (или 1766 г.) в Станиславе Константин никак не мог в 1770 г., в возрасте 4—5 лет, пребывать в грудном возрасте и тем более в Бендерах. И, наконец, если спасшийся был одиноким и неизвестным ребенком, то в таком случае откуда появился его старший брат Григор—командир австрийской гусарской роты.

С. Баронч в своей работе по истории польских армян, написанной на основе неопровержимых материалов и свидетельств, показал, что

³⁶ Это письмо, хранящееся в архиве библиотеки Осолинских во Вроцлаве (Польша), обнаружил молодой историк Р. Амбарцумян, который любезно предоставил нам его копию, за что выражаем ему искреннюю благодарность.

³⁷ Архив библиотеки Осолинских во Вроцлаве—(11) 2756.

Айвазовские были одним из знаменитых армянских родов, издревле обосновавшихся в Молдавии и западноукраинских городах. Например, относительно Нерсеса Гайваза он пишет: «Во времена правления молдавского воеводы Матеуша (Нерсес) за свои заслуги получил должность старосты (градской главы—В. М.) и достоинство рыцаря. Григор, сын старосты (Нерсеса—В. М.) тоже награждался чинами отличия. Нерсес, Стефан и Николай, сыновья Григория, переехали в Черновицы»³⁸. Автору статьи в «Русской Старине» и его тогдашним и нынешним последователям оставалось и остается лишь одно—туркизировать также и прочих указанных и не указанных представителей рода Айвазовских.

Итак, старые и новые попытки лишения И. К. Айвазовского его национальной принадлежности беспочвенны и являются всего-навсего голословной фальсификацией, несовместимой с исторической правдой.

Հ. Կ. ԱՅՎԱԶՈՎՍԿԻՆ ԵՎ ԻՐ ՀԱՅՐԵՆԱԿԻՑՆԵՐԸ

Վ. Ա. ՄԻԿԱԵԼՅԱՆ

Ա. Մ Փ Ն Փ Ն Ն Մ

Մանուկ հասակից մինչև խոր ծերություն մեծ ծովանկարիչ Հ. Այվազովսկին սերտորեն կապված էր թե՛ արևելահայ, թե՛ արևմտահայ իրականության և հասարակական-քաղաքական ու մշակութային գործիչների հետ: Անցյալ դարի կեսերից ընդհուպ մինչև դարավերջ նա արձագանքել է հայ հասարակական-քաղաքական կյանքի երևույթներին, բարոյական ու նյութական աշակցություն ցույց տվել հայ գործիչներին, եկեղեցիներին, փառուստականներին, դպրոցական գործի զարգացմանը՝ դրսևորելով սեփական ազդեցին ծառայելու իր քաղաքացիական մեծ պարտքը:

Այս առումով քննադատության չեն դիմանում այն ստահող լուրերը, որ նախկինում և վերջին տարիներին տարածել էին նրա ազգային պատկանելության վերաբերյալ՝ ձգտելով մեծ նկարչին վերագրել թուրքական ծագում: Մենդյան վկայականով հայ ծնողների զավակ, հայեցի դաստիարակված և սկզբնական կրթություն ստացած, ողջ կյանքում հայկական միջավայրի հետ սերտ կապերով պապված Հ. Այվազովսկուն թուրքական ծագում վերագրելու կեղծ վարկածը ունեցել է մի նպատակ՝ հայ ժողովրդից խլել իր աշխարհաճանաչ զավակին: Հ. Այվազովսկու երկարամյա կյանքի ուղու համառոտ լուսաբանումն իսկ ցույց է տալիս, որ այդ վարկածը իրականության հետ ոչ մի կապ չունի:

³⁸ S. Baronacz, *Zywoty sławnych ormian w Polsce*, Lwów, 1856, s. 7.